

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

К столетней годовщине смерти Иммануила Канта (1804-1904)¹

Е.А. Бобров²

On the Centenary of the death of Immanuel Kant (1804-1904)

Evgeniy A. Bobrov

Среди всех бурь тихо и незаметно проходит столетняя годовщина смерти великого кёнигсбергского мудреца. Но весь образованный мир почтил память славного старца, и в этом отношении некоторые русские учёные

¹ (ред.) Нынешний 2024 год проходит с масштабными научными мероприятиями, посвящёнными 220-летию одного из самых цитируемых философов. Мы посчитали уместным поместить в данном выпуске нашего альманаха статью, в которой в далеком 1904 году проводится замечательный, по историческому охвату, обзор формирования кантианства и неокантианства в российском университетском сообществе. Текст публикуется по изданию: Проф. Е.А. Бобров. К столетней годовщине смерти Иммануила Канта (1804-1904). Варшава, 1904. Уточним, что на материале очерка Боброва подготовлена и опубликована обзорная статья, которая включает в себя более развёрнутый и детальный комментарий о персонах, событиях и публикациях, упоминаемых Бобровым. См.: Орлова Н.Х. Первое столетие привыкания к идеям Канта в российских университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 371–387. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-371-387>

² (ред.) О профессоре Боброве см.: Орлова Н.Х. Московчук Л.С. Из истории Варшавских высших женских курсов (1909-1915): о преподавании философии и профессоре Е.А. Боброве // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 100–106; Орлова Н.Х. Евгений Александрович Бобров (1867-1933) // Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 39. СПб., 2023. С.18-25.

учреждения и общества не отстали от своих зарубежных собратий.³

Занимаясь в течение многих лет специально историей философии в России, мы по случаю этого юбилея сопоставили несколько кратких исторических замечаний о Канте в России.

По нашей инициативе торжественное чествование памяти Иммануила Канта было организовано состоящим при университете Обществом истории, филологии и права. 1 февраля 1904 г. состоялось особое заседание, посвященное означенной цели. Читали: пишущий эти строки – о жизни, трудах Канта и общей судьбе его философии, В.А. Фляксбергер – краткое изложение философских и естественнонаучных взглядов Канта, Е.В. Спекторский о значении философии Канта для обществоведения и Ф.В. Тарановский об историческом соотношении теорий Канта и «правового государства».

³ (ред.) См., напр.: *Белый А.* Критицизм и символизм: По поводу столетия со дня смерти Канта // *Весы*. 1904. № 2. С. 1-13; *Глаголев С.С.* Религиозная философия Канта: (к столетию со дня его смерти). Харьков, 1904; *Ивановский В.Н.* Памяти И.Канта: (По поводу столетия со дня его кончины): Речь, сказ. в заседании физ.-мат. о-ва при Казан. ун-те 13 марта 1904 г. Казань, 1905; *Камбуров В.Г.* К столетию со дня смерти Канта: (Речь, произнес. 2 мая 1904 г. в годич. собр. Юрид. о-ва при Том. ун-те). Томск, 1906; *Лопатин Л.М.* Учение Канта о познании (Речь, произнесённая на торжественном заседании Психологического Общества, посвящённом памяти Канта, 28 декабря 1904 г. // *Вопросы философии и психологии*. М., 1904. Кн. 76. С. 1-19; *Спекторский Е.В.* Органическая теория общества: [Речь, прочит. 25 янв. 1904 г. в годич. собр. О-ва истории, филологии и права при Варш. ун-те]. Варшава, 1904; *Страхов Н.Н.* Кант, как великий учитель нравственности, [в сопоставлении с современными реформаторскими стремлениями к переоценке нравственных начал жизни: Докл., прочит. в Харьк. отд. Рус. собр. 20 февр. 1904 г.: (По поводу исполнившегося столетия со дня смерти Канта)]. Харьков, 1904; *Тарановский Ф.В.* Юридический метод в государственной науке: Очерк развития его в Германии: Ист.-методол. исслед. Варшава, 1904. *Тихомиров П.В.* К столетию смерти Канта (1804-1904). Личность Канта в изображении его современников // *Богословский вестник*. Сергиев Посад, 1904. Т. 1, № 2. С. 317—335; Т. 1, № 6. С. 229—247.

Недостаток времени не позволил мне произнести речь в том объёме, в каком она была задумана; пришлось выпустить многое, напр., экскурс о судьбе кантианства в России. Не повторяя здесь общеизвестных сведений

Иммануил Кант, великий мыслитель, гордость Германии, пять лет пробыл в русских пределах. Кёнигсберг, в котором почти безвыездно провёл свою жизнь Кант, в 1758 г. был присоединён к России, и в числе прочих жителей города Кант принёс верноподданническую присягу Императрице Елизавете Петровне. Только в 1763 году Кёнигсберг был возвращён пруссакам. Во время русского владычества решался очень важный для Канта вопрос, а именно замещение ординарной профессуры логики и метафизики после смерти профессора этих предметов при Кёнигсбергском университете, некоего Кипке. 14 декабря 1758 г. Кант подал прошение на Высочайшее Имя Елизаветы Петровны о предоставлении ему этой вакантной кафедры. Прошение своё Кант подписал, как «*всеподданнейший раб*»⁴ Русской Императрицы. К сожалению, прошение Канта не было уважено, ибо русский губернатор Кёнигсберга, барон Корф не сумел провидеть в бедном приват-доценте гения, будущую знаменитость, и отдал место его конкуренту, некоему Букку,⁵ который в научном отношении был ничтожеством, но зато превосходил Канта старшинством лет службы.⁶ А между тем какое прекрасное воспоминание навсегда осталось бы в летописях науки, если б именно русское правительство извлекло Канта из нужды и от-

⁴ (Прим. Боброва) См. самый текст письма в приложении.

⁵ (ред.) Friedrich Johann Buck (1722-1786) - немецкий философ и математик.

⁶ (ред.) Скорее всего, кандидатура Канта действительно была в тот момент менее привлекательной для решения сугубо университетских задач. Возможно, такой тон задаётся более ранними биографическими статьями о Канте. См. напр.: Филиппов М.М. Эм. Кант: Его жизнь и филос. деятельность: Биогр. очерк М.М. Филиппова, д-ра философии Гейдельбергск. ун-та. СПб., 1893.

крыло бы ему простор для его научно-преподавательской деятельности!

За эти же годы, когда Кёнигсберг принадлежал России, Кант вступил в сношения с некоторыми русскими офицерами и читал им private лекции по физике и физической географии.

Рассматривая далее отношения Канта к России, нельзя не отметить, что главнейшие сочинения Канта, а именно, три его бессмертные «Критики» были напечатаны в России, в Риге и в Либаве.

Наконец, родной брат философа, Иоганн-Гейнрих Кант служил в России; он был пастором в Курляндии и умер в 1800 г. Кант поддерживал с ним сношения и помогал его семье. Сам философ не вступал в брак. Но потомки его брата ещё имеются в Прибалтийских губерниях России, и благодаря им, славное имя не вымерло. Пишущий эти строки хорошо помнит, что около 30 лет тому назад он в училище сидел на одной скамье и рядом с правнуком брата великого Канта (в Риге). Письма Канта к его брату собраны в издании его сочинений, выходящем при Берлинской Академии Наук.

Перечислив личные отношения Канта к России и к русским, обратимся к судьбе его идей в России.

За год до смерти великого мыслителя, в 1803 г., в Николаеве был напечатан перевод его сочинения *Grundlegung der Metaphysik der Sitten* под заглавием «Кантово основание для метафизики нравов»; перевод исполнен Я. Рубаном.⁷

В следующем году вышел в Петербурге ещё один перевод, посвящённый Канту, а именно: «Иммануил Кант». Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного в рассуждении природы и человека вообще и характеров народных особенно, служащих к объяснению некоторых мест *Вилломовой* Практической логики», 1804 (в 12 долю).

⁷(ред.) Кант И. Кантово основание для метафизики нравов / С немецкаго языка переведенное Яковом Рубаном. Николаев, 1803.

Распространителем космогонических идей Канта в России явился самоучка-купец И.Д. Ертов в своих сочинениях, трактовавших о происхождении вселенной и миров.⁸

Против идей Канта горячо выступал профессор Харьковского университета, математик Т.Ф. Осиповский в своих актовых речах: «О пространстве и времени», Харьков, 30 августа 1807 г. и «Рассуждение о динамической системе Канта», там же, 30 августа 1813 г. Осиповский опровергал Канта потому, что видел в его естественно-научных взглядах новое возрождение древнегреческой манеры *умствовать* о природе а priori, тогда как истинная наука о природе может прогрессировать лишь, благодаря опыту и наблюдению.

Гораздо многочисленнее были в университетах тогдашней России проповедники Кантовой системы. Это философское направление излагалось и распространялось с кафедры в Дерптском, Московском, Харьковском и Казанском, т.е. почти во всех русских университетах, какие существовали в то время.

Первым профессором философии в Дерптском университете с самого его основания был Готлиб Беньямин Еше (Jasche),⁹ силезский уроженец, богослов и философ, слушавший лекции самого Канта, и потом по его желанию, в 1799 г., назначенный в Кёнигсбергский университет приват-доцентом по философии. Кант любил и ценил Еше, как знатока «критической философии», и передал ему для обработки и издания свои собственные лекции по *логике*. Это издание и появилось в Кёнигсберге в 1800 г. под заглавием *Kants Logik zum Gebranch fur Vorlesugen bearbeitet*. В 1802 г. Еше из кё-

⁸ Ертов Иван Данилович (по др. данным - Давидович) (1777–1828) – русский самоучка, космогонист и философ деистического направления.

⁹ (ред.) Готтлоб Вениамин Йеше (нем. *Gottlieb Benjamin Jaesche*; 1762-1842) — немецкий философ, ученик Канта, издатель его лекций по логике (так называемая «Логика Йеше»). Профессор теолог, историк, профессор теоретической и практической философии Тартуского университета (Дерптского).

нигсбергских приват-доцентов перешёл в новооткрытый Дерптский университет ординарным профессором философии и занимал здесь кафедру в течение 37 лет. Он скончался в Дерпте в 1842 г. в преклонном возрасте 80 лет.

Еще писал по-немецки; из его сочинений отметим изданное в Дерпте: *Einleitung zu einer Architektonik der Wissenschaften*, 1816 и особенно *Der Pantheismus*, Berlin, 1828-1832 в трех томах. В университете за свою долгую службу Еще читал всевозможные курсы: логику, психологию, метафизику, антропологию, энциклопедию наук, историю философии и т.п.

Во всех своих сочинениях и лекциях Еще держался воззрений своего учителя Канта и поэтому отрицательно относился к модным позднейшим течениям, как, напр., к пантеистическому идеализму Шеллинга и Гегеля. Благодаря Еще, вся молодёжь, и чисто-русская, учившаяся в Дерпте, и остзейская, потом обыкновенно служившая во внутренней России (*in Reiche*), 37 лет воспитывалась в духе Кантовых идей. Правда, Дерптский университет, давший столько отличных и качественных учёных в области всяких наук, не выпустил ни одного замечательного философа. Но воспитание массы университетской дерптской молодёжи почти всю первую половину XIX в. было кантианское, и это влияние усиливалось еще тем, что лекции философии были обязательными для студентов всех факультетов.

Влияние Кантовых идей в Московском университете не было столько продолжительно и сопровождалось одним печальным эпизодом.

К числу наиболее ранних и рьяных и вместе с тем наиболее несчастных распространителей учений Канта на Руси относится Иоганн Вильгельм Людвиг Мельман, экстраординарный профессор древней словесности Московского университета с 1792 г. и ректор греческих и латинских классов в университетской гимназии с 1786 г.

По специальности классик-филолог, он был преданным учеником Канта и своею горячей приверженностью

к его философии навлёк на себя злую беду, стоившую ему, в конце концов, даже жизни.

По свидетельству «Биографического Словаря» профессор Московского университета, Мельман был вызван на особых правах из Геттингена по рекомендации знаменитого филолога Гейне. Мельман был «настоящий немецкий молодой учёный, преданный своим занятиям, жил одиноко, был молчалив и углублён в себя, знал только свой кабинет, конференцию и классы». Он «первый принёс с собою свежие понятия о критической философии» в круг московских учёных. По новости и занимательности предмета он часто рассуждал о ней охотно и свободно, знакомя собеседников и учеников преимущественно с важнейшими началами критицизма. В январе месяце 1795 года Мельману случилось быть у Московского митрополита, известного Платона Левшина. Мельман завязал с Владыкой спор насчёт христианской религии, утверждая, будто религия должна основываться не столько на слове Божьем, сколько на рассудке и философии, и что просвещение к нравоучению можно более почерпнуть из языческих писателей, нежели из учителей Церкви. Митрополит миролюбиво увещевал его, но присутствовавший при диспуте коллеги Мельмана по университету, профессор Х.А. Чеботарев¹⁰ счёл своим долгом сделать донос по начальству – и завязалось горячее дело.¹¹ Мельмана немедленно потребовали к куратору университета, известному писателю, Мих[аилу] Матв[еевичу] Хераскову, который произвёл Мельману испытание его образа мысли в присутствии четырёх

¹⁰ (ред.) См.: Чеботарев Х.А. Его Превосходительству г. Тайному Советнику, Императорского Московского Университета Куратору и Кавалеру, Ивану Мелиссино. От Надворного Советника и Профессора Чеботарева Рапорт // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2. Апрель-июнь. Отд. V. С.90-92.

¹¹ (ред.) См.: Дело о Профессоре Московского университета И.В.Л. Мельмане // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2. Апрель-июнь. Отд. V. С.86-120.

старших профессоров.¹² Так как Мельман подтверждал свои «развратные» мысли насчёт религии, то его немедленно исключили из университета и препроводили в Тайную Экспедицию, которая продержала его в своих камерах около трех месяцев. Генерал-прокурор граф Самойлов снял письменное показание с самого митрополита. Только в конце апреля того же года решили Мельмана выслать за границу, за реку Мемель. Ослабленный допросами и долгим заключением, Мельман, по видимому, впал в меланхолию, или даже в помешательство. Но и в Тайной Экспедиции Мельман утверждал, что он – *кантист* и в преподавании древних писателей не может не касаться нравственности и религии. Вывезенный за границу, Мельман тут же и умер в городе Георгенбурге, не доехав 10 миль до Кёнигсберга, где жил его учитель, системы которого он так неуклонно держался.

Несмотря на печальную судьбу Мельмана, которая могла отбить вкус к кантовым идеям, преемник Мельмана по кафедре, с 1801 г. бывший уже ординарным профессором, Павел Афанасьевич Сохацкий (умер в 1809 г.) тоже склонился до некоторой степени к Канту. Сохацкий принимал обширное участие в журналах и сам был издателем «Приятного и полезного препровождения времени», (1793-1798), с Подшиваловым, «Иппокрены» (1799-1801), «Новостей русской литературы» (1802), «Политического журнала» (с Гавриловым) и др. Он стоял близко в Каменеву и Жуковскому. Всего более интересовали Сохацкого вопросы эстетики, которой он и посвящал свои труды: «О предметах, свойстве и влиянии изящного вкуса на счастье жизни» (актовое «слово» 1801 г.), «Изъяснения об изящных науках и искусствах» (напечатана только одна общая или теоретическая часть, «Чертёж системы эстетики» при переводе Мей-

¹² (ред.) См.: Перевод показания Профессора Мельмана // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Кн. 2. Апрель-июнь. Отд. V. С.100-105. С.103.

нерсона, «Начертания» и «История изящных искусств», М. 1803 и др. В своих сочинениях Сохацкий придерживался Канта. Наконец он читал специальные лекции о философии Канта, которые уже после его смерти появились в журнале «Улей», издававшемся в Петербурге в 1811-1812 гг. Вас[илием] Григ[орьевичем] Анастасевичем.

Наряду с Сохацким действовал в Московском университете в пользу распространения Кантовой философии в России один из замечательных учёных своего времени, профессор Буле.

Иоганн Феофил Буле,¹³ племянник московского ректора Гейма, родился в Брауншвейге 29 сентября 1763 г. Он начал издавать научные труды ещё гимназистом (с 1782 г.), учился в Геттингенском университете и был учеником знаменитого Гейне. В 1786 г. Буле получил степень магистра философии за диссертацию об Аристотеле, а в следующем 1787 г. был назначен экстраординарным профессором философии при том же университете и читал курсы логики, психологии, метафизики и истории философии. Будучи одним из лучших в свое время знатоков Аристотеля, он приступил к изданию его сочинений, и это булевское издание, называемое по месту печатания, Цвейбрюкену - *Vipontina*, до сих пор ещё не утратило цены. Изданию Аристотеля предшествовал целый ряд исследований и этюдов.

В 1794 г. Буле стал в Геттингене ординарным профессором. Большую заслугу стяжал себе Буле ещё своими исследованиями и переводом сочинений греческого скептика, врача Секста Эмпирика (*Sextus Empiricus oder Skepticismus der Griechen*, Lemgo, 1799). В своих чисто философских трудах Буле выказал горячую приверженность к идеям Канта и его реформе критического преобразования философии, как показывают его сочинения:

¹³ (ред.) Иоганн Феофил (Готтлиб) Буле (нем. *Johann Gottlieb Gerhard Buhle*; 1763—1821) — немецкий философ и историк искусства, ординарный профессор и декан словесного факультета Московского университета (1810-1811).

Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft, Gottingen, 1795, *Geschichte des philosophirenden menschlichen Verstandes*, Lemgo, 1791, *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie end einer kritischen Literatur derselben*, Gott., 1796 в 8 ч., *Entwurf der Trancendentalphilosophie*, Gott., 1798 и *Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften*, Gott., 1800-1801. Вероятно, по указанию дяди Гейма, М.Н. Муравьев, незабвенный куратор Московского университета, пригласил Буле в Москву.

Буле стоял тогда на зените своей славы, и его переход для тогдашнего Московского университета являлся своего рода событием. Впрочем, Буле просил дать ему кафедру не философии, а изящной литературы, ибо, по его мнению, курс философии для того, чтобы быть русскому юношеству привлекательным и полезным, представлял бы для него большие затруднения.

В Москву Буле приехал в 1804 году, и как учёный в удивительной степени разносторонний, развернул здесь кипучую деятельность. Помимо университетских лекций, он читал частные курсы у себя на дому. Одним из таких частных слушателей Буле является столь знаменитый впоследствии автор комедии «Горе от ума», А.С. Грибоедов. Помимо лекций, Буле издавал ещё «Журнал изящных искусств», печатал исследования по русской истории, а с 1808 г. взял на себя должность директора педагогического института при университете. В университете он читал археологию, эстетику, древнеклассическую филологию и т.д. Но иногда Буле выступал и с философскими курсами, читал, напр., критическую метафизику, разбирал системы Канта, Фихте и Шеллинга (1806 г.), преподавал опытную психологию, логику, историю философии (на латинском языке). Но надо полагать, что университетская деятельность в Москве не вполне удовлетворяла Буле, особенно после смерти М.Н. Муравьева в 1807 г., потому что в 1811 г. Буле променял профессию на место библиотекаря при Великой Княгине Екатерине Павловне, проживавшей в

Твери; ещё ранее того он ездил в Тверь и вёл с Княгиней собеседования о философии и пр. Император Александр Павлович, наезжавший в Тверь, совещался с Буле о некоторых финансовых мероприятиях. Затем Буле был причислен к штату принца Ольденбургского, а во время нашествия Наполеона Буле сопровождал Княгиню в Ярославль. В 1814 г. Буле уехал в Любек, и, выйдя в отставку из русской службы, стал гимназическим учителем при Каролинском коллегиуме в Брауншвейге, где когда-то и сам учился.

В лихой час покинул Буле родину ради Москвы: пребывание в России не прибавило лавров его научной деятельности. Вернувшись в Германию, он хотел было продолжить своё издание Аристотеля и описать пребывание в России, не оставившее, кажется, в нем радостных чувств; но этого описания цензура не разрешила. 11 августа 1821 г. Буле скончался, выпустив незадолго перед смертью сочинение *Ueber den Ursprung und Leben des Menschengeschlechts und das kunftige Loos nach dem Tode, Braunschweig, 1821.*

И по своим приватным курсам, и по университетским лекциям Буле имел в Москве множество учеников. Но, кажется, он приходился не по плечу тогдашней русской молодёжи, имевшей чересчур слабую подготовку и мало выносившей из лекций по-немецки и по латыни, а эти языки были мало распространены. Слушатели слушали и не понимали Кантовой философии, красноречиво излагаемой Буле, и отплатили своему ментору такую дубовую эпиграммой:

Господин Буле, Ты нам строишь «чёрта в стуле»!

Но если мало выносили русские студенты из философии Канта, сидя у себя в Москве, то не много, по видимому, привозили этой философии и штудировавшие за границей. Пушкин добродушно подсмеивался над своим Ленским, который был с душою прямо гёттингенской, поклонник Канта и поэт, и замечает, что дух его – пылкий и довольно странный.

В Харькове действовал тоже один из ревностнейших в Германии приверженцев Канта, Людвиг-Гейнрих Якоб.¹⁴ Подробная биография его вошла в мой труд «Философия в России» (т. IV). Поэтому здесь мы ограничимся лишь важнейшими фактами.

А.Г. Якоб, воспитанник Халльского университета,¹⁵ выступил на учёную арену в самый момент появления новой «критической философии» Канта.¹⁶ Он сразу сделался преданнейшим ее последователем. Не обладая самостоятельным мышлением, Якоб смело клялся *in verba magistri*. Вдобавок Якоб был очень плодовитый писатель, печатал много и обладал даром популярного изложения. Взгляды Канта он поддерживал и пропагандировал не только в чисто философской, но еще и в практической экономике, и к государственным наукам.

Впоследствии Якоб даже совсем перешел от философии к наукам юридическим и камеральным; он сделался довольно видным представителем особой политико-экономической школы, которую Рошер называет русско-немецкой. Кроме политической экономики, Якоб написал много сочинений и по финансовой, и по полицейской наукам.

Якоб был весьма энергическим и полезным популяризатором философии Канта. Это оказалось для него и очень выгодным. Он быстро приобрел себе громкое имя, а прусское министерство народного просвещения, тогда еще благоволившее к философии Канта, произвело Якоба из приват-доцента в 1789 г. в экстраординарные, а в 1791 г. и в ординарные профессора философии при том же халльском университете. За то Шиллер, сам бывший в философии последователем Канта, в своих «ксениях»

¹⁴ (ред.) Людвиг Кондратьевич Якоб (Людвиг Генрих фон Якоб) (нем. *Ludwig Heinrich von Jakob*) (1759-1827) - философ, экономист, филолог, член-корреспондент Петербургской академии наук (1810), профессор Харьковского университета.

¹⁵ (ред.) Университет Галле, основанный в 1694 г. в городе Галле.

¹⁶ (Бобров) Его переписка с Кантом собрана в упомянутом уже издании Берлинской Академии.

жестоко преследовал Якоба за его философскую несамостоятельность, слепую приверженность без всякой критики к системе учителя, не совсем уместную подчас ее пропаганду и за обширные позаимствования из творений Канта. Эти «ксении» очень забавны. То Кант жалуется в них, что у него недавно пропало 20 понятий с его меткою, о чем он оповещает, и ему отвечают, что эти понятия видели в сочинениях г. Якоба; то сообщается, что еженедельно по Германии ездит «нищенская телега», на козлах которой сидит кучер Якоб (намек на его журнал "*Philosophische Annalen*"), то выражается изумление тому, что богач дает питание многим нищим, то отвергается возможность взбираться по крутому пути к истине «на ослах» и т.д.

Почти все сочинения Якоба до 1800 г. принадлежали области философии, таковы были, напр., *Prolegomena zur practischen Philosophie*, 1787, *Grundriss der allgemeinen Logik und Metaphysik*, 1788, *Grundriss der Erfahrungsseelenlehre*, 1791, *Philosophische Sittenlehre*, 1794, *Naturrecht*, 1795, *Philosophische Rechtslehre*, 1795, *Die allgemeine Religion*, 1795, *Abris seiner Encyclopadie aller Wissenschaften und Kunste*, 1800. Из этого далеко неполного перечня мы можем убедиться, что Якоб успел написать почти целую философскую систему с подробным развитием ее отдельных дисциплин.

Карьера Якоба в Халле шла очень гладко; он повысился даже до проректора. За сочинения «О бессмертии души» и «О существовании Бога» Якоб получил премии от Лейденского и Гарлемского университетов. За своё преподавание политики от получил письменную благодарность от самого прусского короля. По его учебникам преподавали философию во всех немецких университетах, а также в Дании и в Венгрии. Сочинение его «Общая религия» имело такой успех, что в несколько дней расхватили его 2500 экз.

Война с Наполеоном подорвала благосостояние города Халле и покончило карьеру Якоба. Наполеон закрыл Халльский университет, и Якоб остался без места. Не-

мудрено, что он, несмотря на свою громкую славу, согласился ехать в далёкую и неизвестную ему Россию, а именно принял приглашение в новый Харьковский университет на кафедру дипломатики и политической экономики (в 1807 г.).

Это приобретение было для Харькова весьма ценным. Якоб был тогда научной звездой первой величины и считался притом опытным преподавателем. И в Харькове Якоб все оставался тем же рьяным проповедником системы Канта. К сожалению, он очень недолго оставался на харьковской кафедре, ибо уже в 1809 г. Сперанский вызвал его в Петербург, как искусного финансиста, в качестве члена особого финансового комитета.

С падением Сперанского Якоба затёрли, благодаря интригам Г.А. Розенкампа, и, оставшись без дела, Якоб в 1816 г. покинул Россию. Он опять поступил в Халльский университет, где стал проректором и трудился до самой смерти в 1827 г.

Для истории Кантовой философии в России особую важность представляет не его двухлетняя устная пропаганда философии Канта с Харьковской кафедры, сколько то обстоятельство, что Якоб составил философские учебники для употребления в русских гимназиях.

Эта задача не представляла для Якоба особых затруднений. Как мы видели выше, он ещё до 1800 г. написал университетские учебники почти по всем философским наукам. Теперь предстояло эти учебники упростить и приспособить к пониманию учеников средних школ.

Составленный Якобом «Курс философии» для гимназий на немецком языке был отпечатан в Риге и состоял из 8 томов; он обнимал собою логику, всеобщую грамматику, опытную психологию, нравоучение или нравственную философию, эстетику, умозрение словесных наук (риторику и пиитику), естественное и народное право, политическую экономию (народное хозяйство). Этот курс философии был переведён на русский язык профессором Петербургского университета Никитой Ив[аном] Бутырским. Перевод Бутырского был в

1811-1817 гг. отпечатан на казённый счёт Главным Правлением училищ для введения в гимназии в качестве обязательного руководства; существенными достоинствами каждой из книг Якоба, по мнению Главного Правления, служили основательность, порядок, ясность, краткость исообразность с планом учения и со временем, определённым для каждой философской науки в гимназиях; другое преимущество состояло в систематической связи всех частей между собою.

Таким образом, как мы видим, все русской юношество, благодаря курсу Якоба, стало довольно подробно знакомиться с основными философскими идеями Канта ещё на гимназической скамье. Такой порядок длился более 10 лет, пока реакционное и фанатичное направление, овладев к концу царствования Императора Александра Павловича и ведомством народного просвещения, не изгнало, между прочим, и кантианские учебники философии Якоба.

За систему Канта-Якоба, введённую в официальное употребление министерством народного просвещения, поплатился в Казанском университете тамошний профессор философии О.Е. Срезневский.

В Казанском университете Кант, по-видимому, стал известен несколько позднее, чем в прочих русских университетах. Первый преподаватель философии во вновь открытом университете в Казани, адъюнкт Л.С. Левицкий был на своей кафедре недолго и скоро помер; преподавал он по руководствам Харьковского профессора И.С. Рижского. Его преемник, Карл Теофил Готлиб Фойгт, по образованию юрист, не имел ничего общего ни с наукой, ни с философией. Только 5 июля 1814 г. в день торжественного открытия Казанского университета касается Канта в своей актовой речи профессор Василий Матвеевич Перевошиков, по роду занятий своих, словесник.¹⁷

¹⁷ (Бобров) Впоследствии Перевошиков служил в Дерптском университете и оставил службу, быв выгнан из аудитории слушателями. О

Речь Перевощикова носила заглавие: «О пользе наук вообще и в особенности о пользе Казанского университета». Здесь Перевощикова высказывается против Канта; но, с другой стороны, в своём сочинении «Опыт о средствах пленять воображение», появившемся в «Трудах Казанского Общества любителей словесности», 1817, ч. I (и единственная), Перевощикова в числе источников для своей эстетики приводит Канта наряду с Баттё, Мармонтелем, Лягарпом, Блером, Зульцером, Эшенбургом и Бутервеком.

Противником же Канта в Казанском университете явился и третий философ (после Левицкого и Фойгта), Александр Степанович Лубкин.

Лубкин, надо полагать, занимался философией Канта. Еще в 1805 г. он поместил в «Вестнике Европы» письмо о философии Канта. В Казани Лубкин служил с 1812 г. Через год после Перевощикова Лубкин тоже читал актовую речь «Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твёрдое основание независимо от религии», 5 июля 1815 г., и тоже высказался против Канта. Любопытно, однако, что отвергая Канта, Лубкин в то же время в лекциях своих по логике¹⁸ придерживался кантианца Якоба, о которой мы говорили выше, а вместе со своим коллегой, адъюнктом П.С. Кондыревым¹⁹ Лубкин в 1813 г. стал переводить «Начальный курс философии» Снелля.

Фридрих Вильгельм Снелль (Snell, 1761+1827), профессор Гисенского университета, и брат его, Эрнст Вильгельм Снелль (1755+1834), ректор гимназии в Идштейне, были ревностными кантианцами. Их трудами был составлен курс философии наподобие курса Якоба в строго кантианском духе (8 частей). Русский перевод

Перевощикова весьма не лестно отзывается в своих воспоминаниях Н.И.Пирогов.

¹⁸ (Бобров) В 1807 г. Лубкин выпустил еще в бытность свою в Петербурге «Начертание логики».

¹⁹ (ред.) Пётр Сергеевич Кондырев (1789-после 1823) — профессор Казанского университета.

Лубкина и Кондырева вышел в Казани в 5 частях, 1813-1814.

В том же 1815 г. Лубкин умер, и его преемником сделался его помощник, им самим себе выбранный, ревностный кантианец, с которым философия Канта водворилась в Казани, а именно Срезневский.

Осип Евсеевич Срезневский, дядя нашего известного слависта, Измаила Ивановича Срезневского, был уже не заезжим немцем-кантианцем, а русским человеком, убежденно проповедовавшим систему Канта. Воспитывался Срезневский в Московской духовной академии и Петербургском педагогическом институте. В Казанский университет он был определен преподавателем философии в 1816 г. В 1817 г. Срезневский произнес актовую речь под заглавием: «Рассуждение о разных системах нравоучений, сравненных по их началам» (перепечатана в «Вестнике Европы», за 1817 г.). В этой речи, написанной в духе кантианства, Срезневский защищал этику Канта от упреков в безбожии и доказывал величие нравственного закона: в качестве практического правила, он предписывал: «Поступай так, как бы ты желал, чтобы все нравственные существа поступали».

Пресловутый М.Л. Магницкий, через два года приехавший обревизовать и разгромить Казанский университет, привязался особенно к брошюре Срезневского и представил ее на благоусмотрение министра народного просвещения со своими комментариями, - в доказательство того, каким опасным духом пропитано преподавание в Казанском университете. О том же Срезневском Магницкий писал министру. Что он руководствуется системой Якоба, руководствуется духом нее весьма полезным и по счастью преподает лекции так дурно, что их никто не понимает.

В результате ревизии М.Л. Магницкого, назначенного потом попечителем Казанского учебного округа, одиннадцать профессоров в 1819 г. было уволено от службы. В том числе был уволен и О.Е. Срезневский за свои увлечения Кантом, и за то, что он следовал системе Якоба,

предписанной к употреблению в школах самим министерством. Срезневский переехал в Петербург, где с 1820-1824 г. преподавал русскую словесность в артиллерийском училище. Потом этот опасный для юношества человек поступил в послушники одного монастыря.

В 1820 г. был уволен, по представлению Магницкого, из Казанского университета и профессор естественного права Г.И. Солнцев с воспрещением ему даже privately преподавать в частных учебных заведениях. Солнцев, бывший потом в Казани губернским прокурором, тоже придерживался Канта, как видно из его курса, посланного от Магницкого министру. «Единственно великому философу Эмануилу Канту», говорит Солнцев, «было предоставлено иметь единственное влияние на естественное право. Он один основал и определил его существенно, признавая вообще практический разум законодателем свободы, общим источником нравочения и естественного права».

С двадцатых годов XIX в. в России о Канте начинают забывать. Под влиянием проповеди профессора Петербургской медико-хирургической академии в Петербурге Д.М. Велланского, проф. Петербургского же университета А.И. Галича, и особенно Московского университетского профессора М.Г. Павлова общество и молодёжь начинает увлекаться уже не Кантом, а одним из его преемников, Шеллингом. Шеллингианские влияния в середине [18]30-х годов сменяются гегельянством. Гегельянство царило среди русской интеллигенции довольно устойчиво до конца сороковых годов. В пятидесятых годах в Россию проникают новые идеи – позитивизма и даже голого материализма, который особенно распространился в обществе в шестидесятые годы.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы и в этот довольно долгий период в России окончательно пренебрегали Кантом и его философией. От времени до времени появлялись в России сочинения, свидетельствовавшие, что авторы их серьёзно занимались изучением философских воззрений Канта, хотя и не сделали его приверженцами. В духе

Канта писал эстетические статьи о высоком Н.И. Надеждин в «Вестнике Европы», начавший своё сотрудничество там с 1828 г. и продолжавший его до самого закрытия журнала в 1830 г. Критически отнёсся в Канту в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1838 г., январь, - автор статьи, вышедшей и отдельными оттисками: «Критической обзорение Кантовой религии в пределах одного разума», СПб. Статья эта была составлена профессором Киевской духовной академии (а потом и Киевского университета) священником И.М. Скворцовым. Сюда же относится сочинение С.С. Гогоцкого, профессора Киевского университета: «Критический взгляд на философию Канта», Киев, 1847.

За границей, в 1862 г. вышел в Лейпциге у Гергарда русский перевод, но не с немецкого, а с французского: Кант, Замечания о чувствах высокого и прекрасного (8⁰, VI+ 84+1 стр.).

В 1866 г. вышла в Москве дельная речь известного в то время профессора тамошнего университета П.Д. Юркевича «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». В следующем 1867 г. появился первый перевод Кантовой «Критики чистого разума» в 2 выпусках. Переводчик, доцент философии Петербургского университета, Мих. Ив. Владиславлев снабдил свой труд статьёй о жизни и философии Канта. Укажем ещё, что в 1862-1864 гг. вышла в свет в русском переводе Н.Н. Страхова «История новой философии» Куно Фишера (в 4 т.), в которой два тома (III и IV) всецело посвящены Канту.

Возрождение философских идей Канта в виде так называемого новокантианства совершилось в Германии около 1855 г. Социализм и материализм, почти безраздельно влиявшие на умы русской молодёжи в 60-е и 70-е годы, долго не допускали отзвука новокантианства в России.

О Канте в русской научной литературе начинают подробно говорить только приблизительно на переломе семидесятых годов к восьмидесятым. Не говоря уже о

старце Ипполите Панаеве, коснувшемся Канта в своей книге «Разыскатели истины: Кант, Фихте, Якоби», СПб., 1878, этику Канта весьма подробно разбирает в своей докторской диссертации «Критика отвлечённых начал», М. 1880, известный Владимир Соловьёв. Детальному анализу подвергает идеи Канта и епископ Никанор Бровкович в своём сочинении «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», СПб., 1888. См. особенно III т.

Самым замечательным откликом германского новокантианского движения у нас, в России надобно считать превосходную книгу А.А. Козлова, профессора философии в Киевском университете. В качестве докторской диссертации он выпустил в свет «Генезис теории пространства и времени Канта», Киев, 1884. Таких сочинений немного и в западноевропейской философской литературе. Труд Козлова выдаётся особенно по оригинальности своего основного взгляда: он захотел изучить идеи Канта с точки зрения их постепенного приготовления в системах других философов, предшествовавших Канту. Задачи, поставленная себе автором, была им разрешена блестяще: он дал полную картину развития в западноевропейской новой философии – двух важнейших идей Канта – пространства и времени; а эта историческая перспектива единственно только и делает возможной правильную оценку значения деятельности Канта. Вдобавок А.А. Козлов принялся за историческое изучение Канта тогда, когда об этом мало думали ещё и сами его жарчайшие поклонники в Германии, новокантианцы. Нет сомнения в том, что если бы замечательный труд Козлова появился в своё время на немецком языке, то он доставил бы своему автору громкую научную славу.

Укажем так же, что у нас в России восемнадцать лет действовал на философской кафедре прямого ученика Канта, Еше, а именно в Дерптском университете один из самых ожесточённых противников и новокантианства, и самого Канта. Мы разумеем покойного Густава Тейхмюллера (ум. в 1888 г.), который неустанно поборал

и на своих лекциях, и в своих многочисленных сочинениях (писанных по-немецки) кантовские и новокантианские доктрины. Особенно резка, анонимно изданная брошюра Тейхмюллера «*Immanuel Kant, Meine Reise in den Himmel*», 1877, где автор заставляет самого Канта рассказывать, как будто бы он отправился на небо, как приняли его пребывающие там великие философы, его предшественники, Платон, Аристотель, Лейбниц, как на небе Канту доказали полное ничтожество его гносеологии и этики, да вдобавок к тому уличили в совершенном незнании истории философии; после такого неласкового приёма Кант заблагорассудил вернуться в земной мир, «на радость своих поклонников – новокантинцев». Брошюра Тейхмюллера подвергает беспощадному осмеянию и систему, и самую личность Канта со всеми его известными чудачествами.

Под влиянием Тейхмюллера довольно враждебно относились к Канту и молодые ученики Тейхмюллера по Дерптскому университету, как напр., по крайней мере, некоторое время, пишущий эти строки – в своих первых философских сочинениях.

Присяжным новокантианцем из числа современных русских профессоров философии считается профессор Петербургского университета Александр Ив[анович] Введенский, автор магистерской диссертации «Опыт построения теории материи на принципах критической философии», т. I, СПб., 1888 и других сочинений в кантианском духе. Под его же редакцией вышел в 1895 г. перевод отдела «Философия Канта» из «Истории новой философии» Виндельбанда.

В Петербурге же, на кафедре философии в духовной академии действовал другой хороший знаток Канта, хотя и не особенно расположенный к кантианству, М.И. Каринский.

Между обоими названными профессорами, А.И. Введенским и М.И. Каринским в 1896 г. происходила в журналах «Вопросы философии и психологии» и «Журнале Министерства Народного Просвещения» поле-

мика по вопросу о надлежащем и верном понимании гносеологических воззрений Канта. Неумеренно гиперболически звучит фраза одного из учеников Каринского, профессора Петербургской Духовной академии В.С. Серебренникова, присуждавшего своему учителю премию за его труды и заявившего не более и не менее, что труды Каринского должны разбудить мысль от догматического сна, навеянного Кантом!

К кантианскому направлению надобно причислить магистерскую диссертацию архимандрита (ныне епископа) Антония Храповицкого: «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности» СПб., 1887 и обе диссертации Г.И. Челпанова, посвященные вопросу о пространстве «Проблемы восприятия пространства в связи с учением об априорности», 2 т., 1896 и 1904 г.

В последнее время появилось много и переводных (как прекрасная книга Паульсена), и оригинальных книг и статей, либо прямо посвящённых Канту, либо так или иначе его касающихся. Перечислить их полностью мы не имеем возможности. Из переводов сочинений самого Канта отметим перевод «Критик чистого разума» и «Основания к метафизике нравов» Н. Смирнова, СПб., 1879 и «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки», переведённые Владимиром Соловьёвым, и вышедшие двумя изданиями, М., 1889 и 1891.

Упомянем ещё об одном почтенном переводчике Канта, бывшем преподавателе Петербургской духовной семинарии, а ныне цензор, Николай Матвеевич Соколов, давшем новые переводы всех трех «Критик» и «Антропологии» Канта.

Недавно вышел в свет перевод ещё одного сочинения Канта: «Грёзы духовидца, пояснённые грёзами метафизики», перев. Б.П. Бурдесом, СПб., 1904.

И у нас в Варшаве среди местных русских находились люди, занимавшиеся Кантом и писавшие о нем. Так В.А. Фляксбергер в 1901 г. Выпустил в свет брошюру

«Учение Канта о математике», а К.Г. Воблый к юбилею Канта переиздал свою статью «Проблема воспитания по Канту», 1904.

Чествование памяти Канта по случаю столетней годовщины его смерти, несомненно, вызовут в русской литературе новые статьи и труды о Канте. Подводить итоги этой юбилейной литературы пока ещё рано. Впрочем, как мы уже сказали ранее, мы не задавались целью привести полную библиографию предмета. Мы отметили в нашем очерке лишь важнейшие моменты в истории кантианства на Руси, причём особенно подробно остановились на первоначальном периоде, как на самом малоизвестном.

Как мы видели, в течение ста лет со смерти Канта его идеи не оставались для русских неизвестными. И гносеологические, и этические, и эстетические, и даже правовые идеи Канта воспринимались и обсуждались русскими учёными. Но вместе с тем нельзя не констатировать, что кантианство никогда не было в состоянии так увлекать умы русского общества, как это удавалось другим западным веяниям, шеллингианству, гегельянству и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Канта к Императрице Елизавете Петровне приводится нами в собственном переводе.

Адрес на обороте:

Magister artium Иммануэль Кант умоляет всеподданнейше Ее Императорское Величество соизволить Семилюбовейше предоставить ему освободившуюся ординарную профессору логики и метафизики в Кёнигсбергском университете.

Слева на первой странице почтовый штемпель на 4 шиллинга.

Текст

Всесветлейшая, Великомогущественная Императрица, Самодержица всех Россиян, Семилюбовейшая Императрица и Великая Госпожа!

Вследствие смерти покойного доктора и проф. Кипке освобождена ординарная профессура по логике и метафизике, которую он занимал при местной Кёнигсбергской академии. Эти науки всегда были главнейшим предметом моих занятий.

За те годы, что я состоял при здешнем университете в качестве доцента, я в каждое полугодие преподавал обе науки в частных лекциях. Я выдержал два публичных диспута в означенных науках, а кроме того, пытался дать пробы моих стараний и 4 статьями в Кёнигсбергских учёных записках, в 3 программах и в 3 других философских трактатах.

Надежда, льстя себя каковою, я поступил на службу при академии в качестве преподавателя по означенным наукам, а преимущественно, Всемилоостивейшая склонность Вашего Императорского Величества удостаивать науки своего Высочайшего покровительства и благосклоннейшего попечительства, ободряют меня принести всеподданейшую просьбу, не соизволите ли Всемилоостивейше, Ваше Императорское Величество, соизволить освободившуюся ординарную профессуру благосклоннейше предоставить мне; равно как надеюсь я, что и академический сенат в виду способности моей не откажется моё прошение сопроводить не неблагоприятным отзывом.

Замираю с глубочайшего почтения Вашего Императорского
Величества Всеподданнейший раб

Иммануель Кант.

Кёнигсберг, 14 декабря 1758 г.